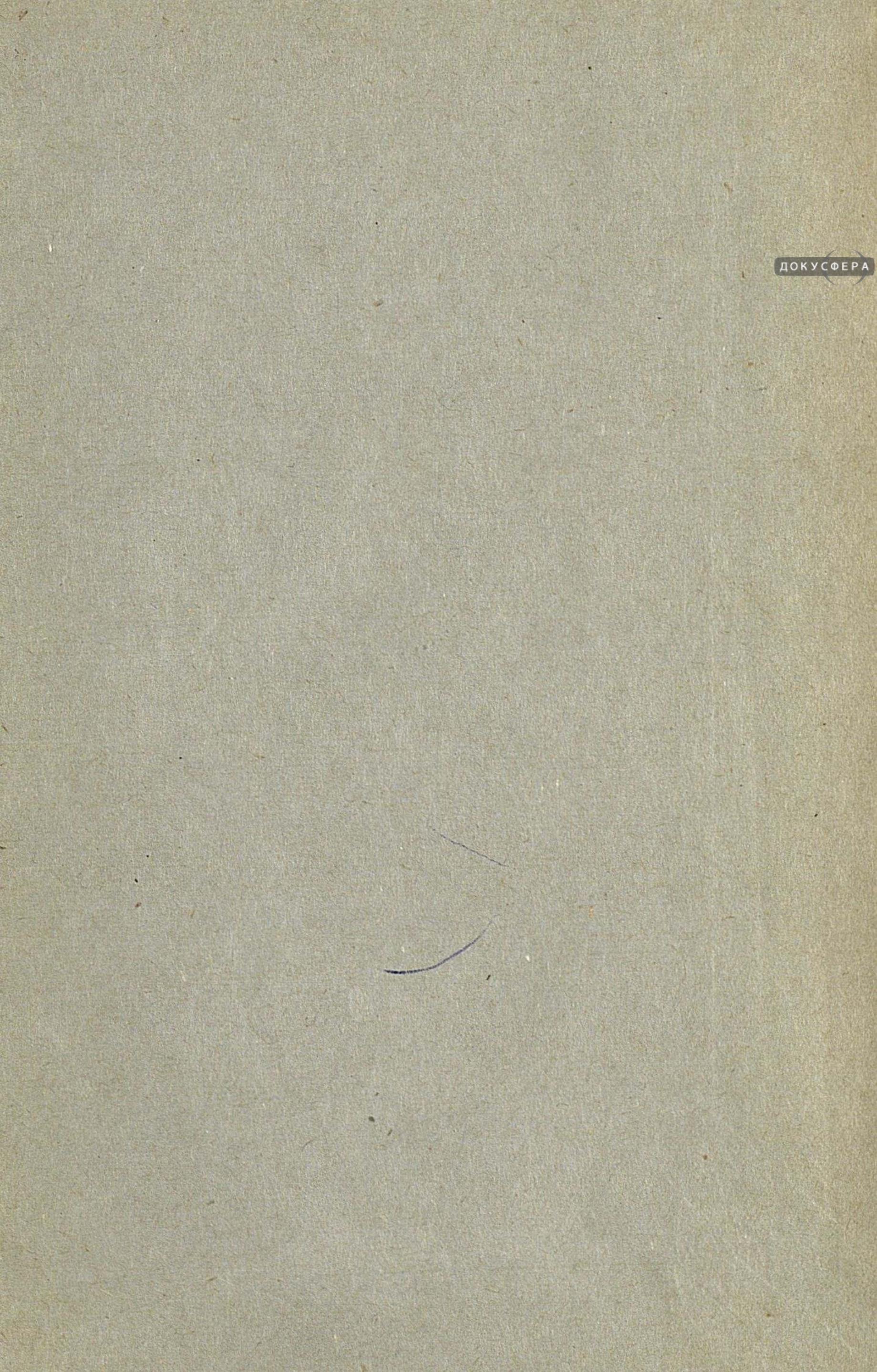

ДѢТСКІЕ ГОДЫ

МОЦАРТА.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

по

Гериберту Рау

ПЕРЕСКАЗАЛЪ

В. П. Авенаріусъ.

Съ портретомъ Моцарта и картинами.

(Изъ книги „Васильки и Колосья").

Цѣна **20** коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова,
Лештуковъ пер., № 2.
1901

Въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова,
С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., уголъ Фонтанки, д. 2—80,
ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМИ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

В. П. Авенаріуса:

«Дѣтскія сказки». Изданіе 4-е, съ 8 отдѣльными рисунками и многими другими въ текстѣ Н. Н. Каразина и др. Въ это изданіе вошли, кромѣ наиболѣе удачныхъ пересказовъ простонародныхъ и иностранныхъ сказокъ изъ сборника: **«Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ»**, еще три оригинальныя сказки: **«О муравьѣ-богатырѣ»**, **«О пчелѣ Мохнаткѣ»** и **«Что комната говоритъ»**. Послѣднія двѣ удостоены каждая первой преміи С.-Петербургскаго Фрёбелевскаго общества. Цѣна 1 р. 25 к., въ красивой папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. съ золот. 2 р.

Въ предыдущихъ изданіяхъ *одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ и значатся въ каталогѣ для безплатныхъ народныхъ читаленъ, изданномъ по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія. *Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи* допущены для пріобрѣтенія въ библіотеки среднихъ и низшихъ классовъ училищъ вѣдомства. *Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованы* для ротныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

«Сказка о муравьѣ-богатырѣ». Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками Н. Н. Каразина. 5-е изданіе. Ц. 50 к.

Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

«Молодильныя яблоки». Сказка-поэма. Съ рис. Ц. 10 к.

Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи допущена въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

«Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній» Десять автобіографическихъ разсказовъ. Съ портретомъ автора и отдѣльными рисунками Н. Загорскаго и Т. Никитина. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящномъ коленкор. переплетѣ 2 р. 25 к.

Одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Народн. Просвѣщенія и рекомендованы *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства Императрицы Маріи для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. заведеній, а равно и для подарковъ.

«Васильки и колосья». Разсказы и очерки для юношества. Съ 22 рисунками и портретами. Изданіе 2-е. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р.

Въ первомъ изданіи допущены *Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.* въ ученическія для младшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній; *Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ* къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій. Рекомендованы *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства Императрицы Маріи въ ученическія библіот. старшаго и средн. возраста средн. учебныхъ заведеній, а также для подарковъ, и *Главнымъ Управленіемъ* военно-учебн. заведеній для средн. ротъ кадетскихъ корпусовъ.

«Во львиной пасти». Историческая повѣсть для юношества изъ эпохи основанія Петербурга. Съ 19 рисунками Штейна и снимкомъ съ современной гравюры. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ коленкор. переплетѣ 2 р. 50 к.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и въ народныя читальни. *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства Императрицы Маріи рекомендована для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки старшаго и средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства, а равно и для наградъ воспитанницамъ.

«Отроческіе годы Пушкина». Біографическая повѣсть. Изданіе 4-е, въ первый разъ иллюстрированное 8-ю рисунк. и портретомъ Пушкина. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р.

Во второмъ изданіи рекомендована: *Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія* для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для старшаго возраста; *Главнымъ Управленіемъ* военно-учебныхъ заведеній

ДѢТСКІЕ ГОДЫ
МОЦАРТА.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

ПО

Гериберту Рау

ПЕРЕСКАЗАЛЪ

В. П. Авенаріусъ.

Съ портретомъ Моцарта и картинами.

(Изъ книги „Васильки и Колосья").

Цѣна **20** коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова,
Лештуковъ пер., № 2.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Января 1901 года.

Типогр. Товарищ. «Общественная Польза», Б. Подъяч. № 39.

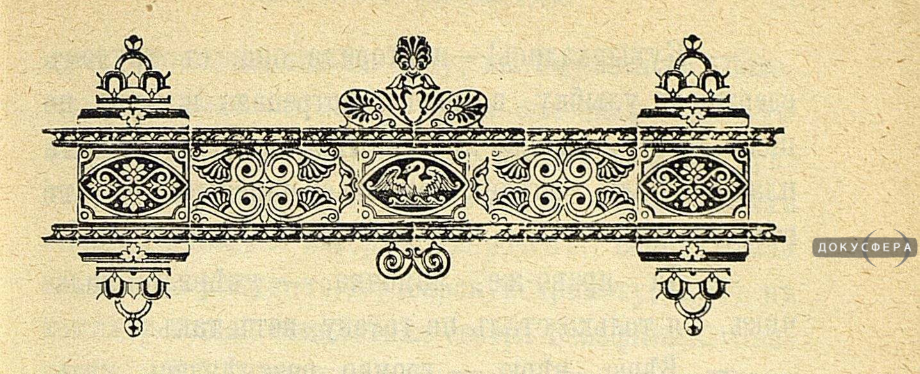
Изъ біографическихъ романовъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя *Гериберта Рау* наибольшимъ успѣхомъ пользуется въ Германіи трехъ-томный романъ «**Mozart.** Ein Künstlerleben». Успѣхъ его объясняется какъ талантливостью автора, такъ и любопытными, исторически-вѣрными подробностями жизни безсмертнаго музыканта-композитора. Но Рау—писатель старой романтической школы, и романъ его, помимо нѣкоторыхъ длиннотъ и не идущихъ къ дѣлу эпизодовъ, страдаетъ еще излишнею слащавостью, претящею вкусу русскаго читателя. Поэтому я передаю здѣсь первую половину названнаго романа, описывающую дѣтство Моцарта, въ сжатомъ, вольномъ пересказѣ.

В. А.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Музыкантъ сказывается.

Ну, посмотри, на кого ты похожъ, Вольфгангерль! — говорила г-жа Моцартъ своему трехлѣтнему сыну, отряхая пыль съ его платья и расправляя на немъ измятый кружевной воротничекъ.—Откуда у тебя, скажи на-милость, столько сору въ волосахъ? Давно-ли сестра тебя причесала?

— А мы, мама, кувыркались съ Андресомъ!— пресерьезно отвѣчалъ Вольфгангъ и взглянулъ при этомъ въ лицо матери съ такимъ милымъ дѣтскимъ простодушіемъ, что появившіяся-было на лбу г-жи Моцартъ легкія складки снова сгладились.

— Кувыркались!—повторила она, съ трудомъ сдерживая улыбку, и, шутя, потрепала шалуна по щекѣ. — Ну, можно-ли кувыркаться въ новомъ платьѣ? Вѣдь, сегодня рожденье папеньки, будутъ гости.

— Да право-же, мамочка, — увѣрялъ мальчикъ,—я только сталъ на голову, вотъ такъ...

— Вѣрю, вѣрю, — громко разсмѣялась мать, удерживая его отъ новаго опыта, и, стряхнувъ соръ съ кудрей мальчугана, поцѣловала его. — Ну, Богъ съ тобой, ступай опять къ своему Андресу; только, чуръ, больше у меня не кувыркаться.

Другъ и сверстникъ Вольфганга, Андресъ Шахтнеръ, былъ въ это время въ сосѣдней комнатѣ.

— Кувыркаться больше нельзя,—наставительно объяснилъ ему Вольфгангъ.—Что-же намъ теперь дѣлать?

— А поиграемъ въ школу,—рѣшилъ тотъ.

— Пожалуй. Но пойдемъ въ столовую: тамъ больше мѣста. Я буду учителемъ, а ты школьникомъ. Бери-ка скамейку, а я возьму мѣлъ и доску. Да куда-же ты? Погоди. Становись за мной. Сперва промаршируемъ вокругъ стола. Я проиграю маршъ.

И крошка-учитель зашагалъ впереди, напѣвая тоненькимъ голоскомъ собственнаго издѣлія маршъ, а послушный ученикъ слѣдовалъ за нимъ, топая въ тактъ ногами.

Затѣмъ они живо устроили школу. Школьникъ Ан-

дресъ расположился на полу, вытянулъ ноги, положилъ на нихъ скамейку, а на скамейку аспидную доску. Учитель Вольфгангъ, съ мѣломъ въ рукѣ, принялся выводить на полу, на мебели и на стѣнахъ огромныя цифры, которыя, впрочемъ, скорѣе были похожи на какую-то тарабарскую грамоту. Тутъ въ комнату вошла семилѣтняя сестра Вольфганга, Наннерль, чтобы накрыть на столъ; увидавъ работу брата, она чуть не выронила изъ рукъ скатерти, ножей и вилокъ.

— Господи помилуй! —вскрикнула она.—Вольфгангерль, что̀ это ты опять надѣлалъ?

Мальчикъ съ удивленіемъ оглянулся на нее и спросилъ съ самымъ невиннымъ видомъ:

— А что-же такое, Наннерль?

— Да вотъ эти каракули...

— Я — учитель! — важно отвѣчалъ мальчикъ. — Надо-же показать ученику, какъ писать цифры...

— Да зачѣмъ-же на полу, на стѣнахъ, на стульяхъ? Мы съ мамой все утро чистили да обметали, чтобъ пылинки нигдѣ не было, а ты вдругъ...

— Сейчасъ всѐ вытру! —сказалъ Вольфгангъ, понявшій тотчасъ свою вину, и пустилъ-было въ ходъ рукавъ своей курточки, но Наннерль во̀-время его остановила. Съ помощью передника и принесенной съ собою губки она стерла слѣды школьной премудрости трехлѣтняго наставника.

Немного погодя, собрались гости—друзья-сослуживцы хозяина—поздравить новорожденнаго. Всѣ они служили въ придворной капеллѣ владѣтельнаго князя, архіепископа Зальцбургскаго, гдѣ Моцартъ-отецъ занималъ постъ вице-капельмейстера. Но довольно почетное званіе это давало ему крайне скромное содержаніе, и, только благодаря частнымъ урокамъ на скрипкѣ и фортепьяно, да небольшой выручкѣ отъ продажи собственныхъ музыкальныхъ сочиненій, вице-капельмейстеръ кое-какъ пробивался съ семьей. Сегодня, однакожъ, въ виду высокоторжественнаго дня, на столѣ красовалось блюдо съ свѣже-испеченнымъ пирожнымъ и бокалами, въ которыхъ сверкалъ золотистый рейнвейнъ.

— Первый тостъ за кормилицу нашу - музыку!—возгласилъ хозяинъ, поднимая полный бокалъ.—Ура!

Всѣ присутствующіе съ одушевленіемъ подхватили: «Ура!» и стали чокаться. Подошли съ бокалами и Наннерль съ братомъ. Отецъ взглянулъ на нихъ съ любовью.

— Было васъ у меня семеро, да вотъ пятерыхъ Господь прибралъ, двоихъ только оставилъ,—промолвилъ онъ со вздохомъ.—Наградилъ-ли онъ васъ хоть искоркой таланта?

— А почему-же и нѣтъ?—замѣтила мать.—Вотъ у Наннерль навѣрное хорошій слухъ. Ты давно обѣщалъ заняться съ нею на фортепьяно.

— Пожалуйста, папочка!—подхватила Нан-

нерль.—Мнѣ ужъ семь лѣтъ; я, право, буду очень прилежна.

— Вотъ увидимъ, — сказалъ отецъ. — И, чтобы не откладывать дѣла, такъ и быть, сегодня-же, послѣ обѣда займусь съ тобой.

— А я-то что-же? — спросилъ Вольфгангъ.— Развѣ я не буду музыкантомъ?

Всѣ засмѣялись.

— Тебѣ, карапузикъ, надо прежде дорости до фортепьянъ, — отвѣчалъ отецъ. — А хочется тоже быть музыкантомъ?

— Да я ужъ и теперь играю.

— То-есть кувыркаешься съ маленькимъ Андресомъ? —замѣтила съ улыбкой мать.

— Нѣтъ,—возразилъ, вспыхнувъ, мальчикъ.— Я ему протрубилъ давеча цѣлый маршъ.

Слова эти вызвали новый взрывъ смѣха.

По уходѣ гостей хозяева съ дѣтьми сѣли за столъ. Но Наннерль, отъ волненія, ничего не ѣла, хотя, по случаю семейнаго праздника, и блюда были праздничныя. Наконецъ обѣдъ кончился. Отецъ раскрылъ фортепьяно и подозвалъ къ себѣ дочь. Начался первый урокъ.

Дѣйствительно, Наннерль съ перваго-же раза высказала много понятливости, а мальчикъ Вольфгангъ стоялъ все время около сестры, заложивъ руки за спину, и не трогался съ мѣста.

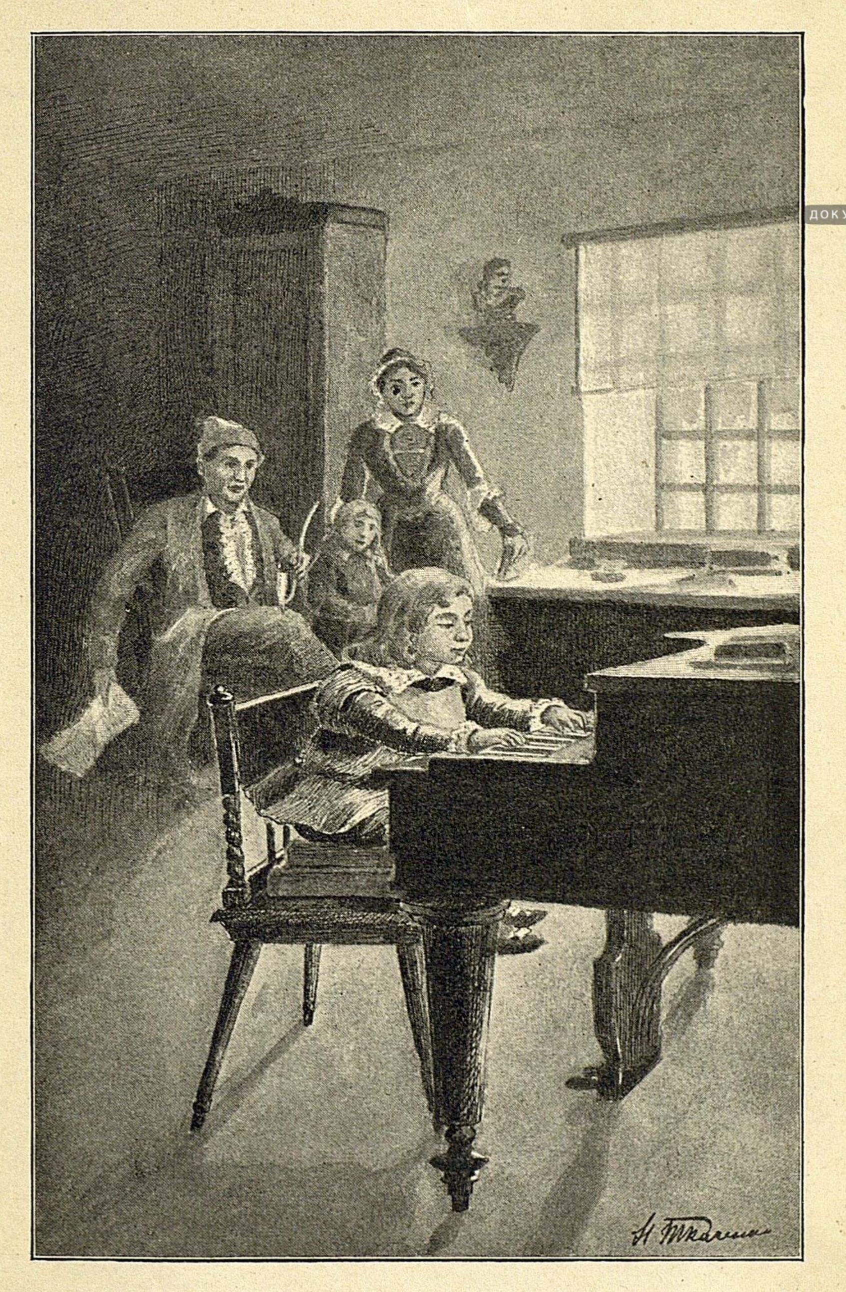
Такъ прошелъ весь урокъ. Живой и шустрый мальчикъ на этотъ разъ хоть-бы пошевельнулся.

Казалось, новыя мысли пробудились въ его головѣ. До сихъ поръ художественная игра отца была непонятна малюткѣ, и могучія мелодіи пролетали мимо него безслѣдно. Но простые звуки, выходившіе теперь изъ-подъ неопытныхъ рукъ сестры, вдругъ съ удивительной силой приковали къ себѣ его вниманіе. Онъ не сводилъ глазъ съ ея пальцевъ и легко схватывалъ своимъ дѣтскимъ слухомъ гармоническое сочетаніе несложныхъ аккордовъ. Когда урокъ кончился и отецъ съ Наннерль отошли отъ фортепьяно, Вольфгангъ тихонько подкрался къ инструменту и своими маленькими рученками сталъ подбирать аккорды.

Отецъ-Моцартъ, между тѣмъ, закурилъ трубку и принялся за газету, не обращая вниманія на музыкальные опыты сына. Но когда жена дернула его за рукавъ и, молча, указала головой на Вольфганга, старикъ опустилъ сначала газету, а тамъ забылъ и про трубку. Глаза его постепенно разгорались, черты лица приняли выраженіе полнѣйшаго изумленія. Онъ не зналъ, вѣрить-ли своимъ ушамъ, когда Вольфгангъ, трехлѣтній Вольфгангъ, безъ запинки, безъ малѣйшей ошибки, своими крохотными пальчиками нота въ ноту повторилъ все небольшое упражненіе, которое онъ, отецъ, показалъ сейчасъ дочери. Газета очутилась на полу, трубка потухла, бѣлый колпакъ съ кисточкой, безсознательно сдвинутый назадъ, прикрывалъ только затылокъ почтеннаго вице-капельмейстера, крупныя слезы радости блестѣли на его глазахъ.

Стр. 12.

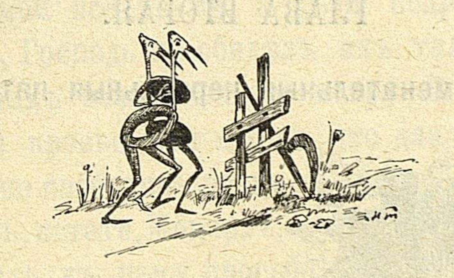

Старикъ опустилъ газету, а тамъ забылъ и про трубку.

ДОКУСФЕРА

Наконецъ онъ очнулся, быстро всталъ съ мѣста, подошелъ къ сыну и съ жаромъ заключилъ его въ свои объятія.

— Вольфгангерль, умникъ ты мой! — сказалъ онъ. — Да, изъ тебя выйдетъ музыкантъ!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Знаменательныя чернильныя пятна.

рошла зима. Весна осыпала землю зеленью и цвѣтами. Пришло и лѣто, и озолотило на нивахъ тучную жатву.

Вечерѣло. По опушкѣ парка, окружавшаго загородный замокъ князя-архіепископа Зальцбургскаго, по направленію къ г. Зальцбургу, плелся съ поникшей головой одинокій путникъ. То былъ придворный вице-капельмейстеръ Леопольдъ Моцартъ. Вдругъ его сзади окликнулъ знакомый голосъ. Онъ оглянулся и съ радостью узналъ графа Герберштейна, извѣст-

наго знатока классической музыки и щедраго покровителя музыкальныхъ талантовъ.

— Вы, Моцартъ, тоже идете въ городъ?—спросилъ графъ.—Какой чудный вечеръ! Я предпочелъ пройтись пѣшкомъ, а коляску услалъ впередъ. Но что это вы такъ мрачны, точно чѣмъ-то разстроены?

— Признаться сказать, графъ,—отвѣчалъ со вздохомъ Моцартъ,—семейныя заботы меня одолѣли. Средства мои все тѣ-же, а дѣти подростаютъ. На грѣхъ еще, Господь не обидѣлъ ихъ талантомъ: зажегъ въ нихъ божественную искру. Вотъ сердце и обливается кровью при мысли, что для развитія таланта нужно свободное время, а главное—средства...

— Ахъ, кстати, Моцартъ,—прервалъ его графъ:—у меня есть къ вамъ просьба.

— Что прикажете?

— Я уже давно отложилъ двадцать пять дукатовъ на новую пьесу камерной музыки. Не возьметесь-ли вы сочинить ее для меня?

Краска смущенія бросилась въ лицо вице-капельмейстера.

— Вы слишкомъ добры, графъ,—пробормоталъ онъ.—Я говорилъ вамъ о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы...

— Охотно вѣрю,—поспѣшилъ успокоить его графъ.—Но пьеса мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, нужна; а къ кому-же я могъ-бы обратиться, какъ не къ вамъ, опытному композитору? Или у васъ нѣтъ времени для этого?

— Какъ не быть... Не днемъ, такъ ночью...

— Стало быть, я могу вполнѣ разсчитывать на васъ?—привѣтливо промолвилъ графъ, протягивая ему руку.—Вы сейчасъ упомянули о божественной искрѣ. Такъ она есть и въ вашихъ дѣтяхъ?

— О, да!—отвѣчалъ, оживляясь, Моцартъ,—особенно въ мальчуганѣ. Повѣрите-ли, графъ, онъ ужъ теперь, на четвертомъ году, премило играетъ на фортепіано!

— Не можетъ быть!

— А ужъ память-то какая—просто, удивительно!—продолжалъ, все болѣе и болѣе одушевляясь, отецъ:—любой менуэтъ разучитъ вамъ въ полчаса, а большую пьесу—много въ часъ времени.

— Не можетъ быть!—повторилъ графъ.

— А вотъ подите-жъ. Возьмешь его, бывало, съ собой въ концертъ, а онъ вернется домой да тотчасъ-же и сыграетъ на память всѣ главныя партіи.

— И совершенно вѣрно?

— До послѣдней нотки. Онъ имѣетъ даже понятіе о композиціи, и еслибы я не боялся такого преждевременнаго развитія, я теперь-же познакомилъ-бы его съ первыми правилами генералъ-баса.

— Да вѣдь это не ребенокъ, а какой-то феноменъ, восьмое чудо свѣта!—воскликнулъ изумленный графъ, останавливаясь на ходу.—Послушайте, Моцартъ, пожалуйста, покажите мнѣ вашего сына.

— Съ удовольствіемъ, графъ, хоть сейчасъ...

— И прекрасно!

Собесѣдники дошли, въ это время, до городскихъ воротъ и направились къ скромному домику вице-капельмейстера.

Маленькій Вольфгангъ между тѣмъ былъ дома не безъ дѣла. Его мать и сестра сидѣли въ другой комнатѣ за рукодѣльемъ; на окнѣ канарейка въ клѣткѣ заливалась звучными трелями, а самъ онъ вскарабкался съ ногами на отцовское кресло и, облокотившись рученками на письменный столъ, глубоко о чемъ-то задумался. Дѣтскія черты его милаго личика такъ и сіяли. Былъ-ли то отблескъ вечерней зари сквозь оконныя стекла, или на нихъ отражалось восторженное состояніе души,—неизвѣстно, но очевидно, что какая-то смѣлая мысль работала въ его дѣтскомъ мозгу, какая-то новая, только-что зарождавшаяся мелодія носилась надъ этой кудрявой головкой: глаза мальчика то вспыхивали, то потухали, а губы тихо шевелились, издавая по временамъ несвязные звуки.

Но вотъ онъ быстро схватилъ лежавшій на столѣ листъ нотной бумаги, обмакнулъ перо въ чернила и началъ писать ноты.

На бѣду свою, въ пылу вдохновенія, онъ ткнулъ перо вплоть до дна чернильницы, и третья-же нота исчезла подъ огромнымъ чернильнымъ пятномъ.

Но Вольфгангу было не до того. Увлекаемый своей музыкальной фантазіей, онъ продолжалъ выводить ноту за нотой, задѣвая ихъ по пути рученкой и украшая ихъ, такимъ образомъ, длиннѣйшими завитками. Рвеніе его росло съ каждой минутой, а

вмѣстѣ съ тѣмъ росло и количество чернильныхъ пятенъ, пока, наконецъ, весь нотный листъ не обратился въ какое-то Черное море.

Тутъ только маленькій человѣчекъ, къ ужасу своему, замѣтилъ, что̀ у него вышло. Слезы брызнули изъ его глазъ и смѣшались съ чернилами. Но вдохновенію его уже не было удержу. Онъ стеръ пальцемъ непрошенныя капли и съ лихорадочною поспѣшностью опять началъ ставить ноту за нотой.

Въ это время отворилась дверь—и въ комнату вошелъ вице-капельмейстеръ съ гостемъ своимъ, графомъ Герберштейномъ.

Крошка-композиторъ ничего не слышалъ. Онъ напѣвалъ про себя какую-то мелодію, писалъ, вычеркивалъ, снова писалъ, капалъ пятно за пятномъ, стиралъ ихъ и, наконецъ, бросилъ перо изъ перепачканныхъ до-нельзя пальцевъ.

— Ты что̀ тутъ дѣлаешь, шалунъ?—раздался надъ нимъ голосъ отца.

Вольфгангъ обернулся и, увидавъ вошедшихъ, съ торжествующимъ видомъ, съ блестящими отъ восторга глазками растопырилъ передъ ними замаранные въ чернилахъ пальцы.

— Пишу фортепьянный концертъ! Первая партія совсѣмъ ужъ готова!—объявилъ онъ.

Старикъ Моцартъ и графъ съ улыбкой переглянулись.

— Дай-ка сюда, посмотримъ,—сказалъ отецъ.— Славная, должно быть, штука.

Но мальчикъ не подалъ бумаги.

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ онъ,—не покажу, пока все не поспѣетъ...

Однако отцу удалось-таки выманить у сына нотный листъ; тутъ комната огласилась дружнымъ хохотомъ Моцарта и графа: оказалось, что вся бумага покрыта пятнами и каракулями.

Но, странное дѣло: отчего Моцартъ-отецъ вдругъ умолкъ и съ возрастающимъ вниманіемъ началъ вглядываться въ ноты? Отчего глаза его внезапно налились слезами,—слезами радости и умиленія? Отчего?...

— Смотрите-ка! смотрите, любезный графъ!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ Герберштейну, при чемъ нотный листъ дрожалъ въ его рукахъ:—тутъ каждая нотка на своемъ мѣстѣ! Только сама пьеса слишкомъ трудна, невозможно ея исполнить.

— Да, но зато вѣдь это и концертъ!—самодовольно возразилъ маленькій композиторъ.—Надо его только разучить хорошенько. Вотъ какъ это играется...

И, подскочивъ къ фортепьяно, онъ заигралъ. Правда, трудныя мѣста ему не совсѣмъ удавались; но изъ цѣлаго слушатели (къ которымъ присоединились теперь еще мать и Наннерль) могли понять мысль автора.

Концертная пьеса была написана для цѣлаго оркестра и совершенно правильно.

— Вольфгангъ! — произнесъ растроганный отецъ:—ты будешь знаменитымъ человѣкомъ!

*

— Ну, что̀, любезный Моцартъ, — обратился графъ къ старику съ улыбкой: — станете-ли вы теперь жаловаться на свою бѣдность?

— О, нѣтъ! — отвѣчалъ вице-капельмейстеръ: — я богаче всякаго короля!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первый дебютъ передъ королевою французовъ.

То, что̀ предсказалъ Моцартъ-отецъ, мало-по-малу сбывалось. Вольфгангъ дѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что пяти лѣтъ сочинялъ уже небольшія пьески, которыя потомъ отецъ переводилъ на бумагу согласно правиламъ музыкальнаго искусства.

Старикъ понялъ, что въ сынѣ своемъ онъ воспитываетъ генія, и прилагалъ всѣ старанія, чтобы дать его изумительнымъ способностямъ самое широкое развитіе.

Шести лѣтъ отъ-роду мальчикъ былъ уже такимъ виртуозомъ, что смѣло могъ выступить передъ

публикой. Десятилѣтняя Наннерль немногимъ также уступала въ игрѣ брату. И вотъ, родители собрались съ ними въ артистическое путешествіе, сперва по своей родинѣ, Австріи. Въ Вѣнѣ, благодаря графу Пальфи, который слышалъ игру маленькаго Вольфганга въ Линцѣ и съ восхищеніемъ разсказывалъ о немъ эрцгерцогу Іосифу (впослѣдствіи императору Іосифу II), они встрѣтили самый радушный пріемъ. Придворный экипажъ доставилъ семейство Моцартовъ въ императорскій дворецъ, и игра двухъ дѣтей такъ понравилась при Дворѣ, что императрица Марія-Терезія собственноручно пожаловала обоимъ по бриллiантовому перстню, а на другое утро, въ гостиницу, гдѣ остановились Моцарты, явился гофмейстеръ и вручилъ вице-капельмейстеру, отъ имени ихъ величествъ, сто дукатовъ, а дѣтямъ по богатому наряду.

Вся столица заговорила о малолѣтнихъ музыкальныхъ свѣтилахъ.

Не прошло и года, какъ семья нашихъ артистовъ была уже на пути къ столицѣ міра—къ Парижу.

— Скоро-ли мы пріѣдемъ, наконецъ, въ Парижъ?—спрашивалъ нетерпѣливый дѣтскій голосокъ изнутри грузной почтовой кареты, когда та, обогнувъ лѣсъ, стала въѣзжать въ бѣдную французскую деревушку.

— Черезъ два часа, сударь,—отвѣчалъ на козлахъ почтальонъ.

Но судьба рѣшила иначе. Въ эту самую минуту

лошади испугались крика выскочившихъ изъ-за угла двухъ деревенскихъ мальчишекъ и бросились въ сторону: и безъ того ветхій экипажъ съ такою силой ударился о каменную ограду, что съ трескомъ развалился. Къ счастію, сидѣвшіе внутри пассажиры отдѣлались однимъ испугомъ. Когда, при помощи почтальона и высыпавшей на улицу деревенской молодежи, они выползли изъ-подъ кузова опрокинутой колымаги, то всѣ оказались цѣлы и невредимы.

— Ну, слава Богу!—проговорила съ радостнымъ вздохомъ г-жа Моцартъ.—Вѣдь долго-ли этакъ и до смерти расшибиться...

— А все-таки досадно!—замѣтилъ сердито старикъ Моцартъ.—Съ ранняго утра до вечера ѣдемъ безъ остановки, даемъ на водку почтальонамъ, и вдругъ, въ какихъ-нибудь двухъ часахъ ѣзды отъ цѣли, застрять въ дрянной деревушкѣ!

— Но, можетъ быть, скоро починятъ карету,—успокоивала Наннерль.

— Не такъ-то скоро! - отозвался почтальонъ, приподнимая слегка шляпу и почесывая за ухомъ.— И колесо, и ось поломаны, а въ этой деревнѣ всего-на-все одинъ кузнецъ, который, какъ на грѣхъ, ушелъ въ поле. Богъ вѣсть, когда его дождемся.

— Такъ послать за нимъ!—горячился Вольфгангъ.

— Хуже будетъ, сударь,—отвѣчалъ почтальонъ:—кузнецъ, изволите видѣть, зять здѣшнему

харчевнику,—такъ онъ, въ угоду тестю, нарочно заставитъ васъ просидѣть тутъ часъ-другой.

— Отлично, превосходно!—ворчалъ съ досады Моцартъ-отецъ. – А какъ зовется это деревушка?

— Шоази, отвѣчалъ почтальонъ.

— Шоази?—подхватилъ съ оживленіемъ Вольфгангъ:—да вѣдь тутъ гдѣ-нибудь недалеко, папа, долженъ быть замокъ Шоази-ле-роа, который, помнишь, намъ такъ расхвалила графиня Лиллибонь? Пока чинятъ карету, не прогуляться-ли намъ туда?

— И то правда,—согласился отецъ.—Отъ долгаго сидѣнья у меня ноги затекли...

— Ступайте съ Богомъ!—сказала г-жа Моцартъ.—Я останусь сторожить вещи, да при томъ у меня отъ испугу и колѣни еще дрожатъ.

Отецъ съ дочкой и сыномъ направились къ зам ку. И точно, было на что̀ посмотрѣть! Хотя королевскій замокъ былъ выстроенъ за сто лѣтъ назадъ, но Людовикъ XV совершенно обновилъ его, такъ-что Моцарты не могли налюбоваться на величественное зданіе, на украшеніе котораго было потрачено столько денегъ и искусства. Наружный мраморный фасадъ замка представлялъ какъ-бы одну сплошную лѣпную работу самыхъ причудливыхъ формъ. Кругомъ, куда ни оглянись, стояли статуи среди цвѣточныхъ клумбъ; изъ мраморныхъ чашъ били фонтаны, а далѣе, во всѣ стороны, тянулись густыя аллеи изъ вѣковыхъ деревьевъ, такъ и манившія подъ свою свѣжую душистую тѣнь. Но внутренность

замка, куда услужливый дворецкій впустилъ нашихъ путниковъ въ ожиданіи щедрой подачки, изумила ихъ еще болѣе: такая роскошь имъ и во снѣ не снилась! И потолки, и карнизы обширныхъ покоевъ были унизаны сплошь золотыми орнаментами въ новѣйшемъ тогда вкусѣ «Возрожденія»; по стѣнамъ висѣли въ золотыхъ-же рамахъ безчисленныя зеркала, въ которыхъ, къ великому восторгу дѣтей Моцартовъ, на каждомъ шагу отражались ихъ собственныя прелестныя головки.

Пока путешественники переходили тамъ изъ залы въ залу, внизу, въ паркѣ, по отдаленной аллеѣ, тихо гуляли двѣ пожилыя дамы. Онѣ не отличались красотой, но въ кроткихъ, ласковыхъ чертахъ одной изъ нихъ было что-то величественное. То была королева французовъ, дочь польскаго короля Станислава Лещинскаго, супруга Людовика XV; ее сопровождала приближенная статсъ-дама.

Королева незадолго передъ тѣмъ схоронила свою любимую дочь, и глубокая скорбь отражалась на ея блѣдномъ лицѣ. Во время прогулки, статсъ-дама нѣсколько разъ принималась утѣшать ее,—но все напрасно: королева или качала только головой, или даже не слушала ея. Вдругъ, словно очнувшись отъ тяжелой думы, она остановилась и начала прислушиваться.

— Слышите?—прошептала она, и лицо ея вдругъ оживилось.—Слышите? Что это: шелестъ листьевъ или неземные звуки?

И точно, издали тихо-тихо доносились, будто на крыльяхъ вечерняго вѣтра, какіе-то дивные аккорды.

— Странно, право!—сказала статсъ-дама, и легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу.—Мнѣ тоже сдается, что гдѣ-то играютъ на церковномъ органѣ; но единственный органъ въ Шоази-ле-роа—это въ часовнѣ замка. Кому играть на немъ, когда весь Дворъ въ Версали, когда здѣсь нѣтъ даже органиста?

А отдаленные, таинственные звуки неслись попрежнему, то сладостно замирая, то снова торжественно усиливаясь, и такъ глубоко хватали за душу, что обѣ дамы безсознательно опустились на мраморную скамью подъ развѣсистымъ дубомъ, набожно сложили руки и все слушали въ какомъ-то полузабытьи, пока музыка наконецъ совсѣмъ смолкла, и прежнее невозмутимое безмолвіе воцарилось въ сонномъ паркѣ. Но райская мелодія сдѣлала свое дѣло: наболѣвшее отъ тоски по умершей дочери сердце бѣдной королевы смягчилось, и благодатныя слезы облегчили ея грудь. Рыдая, припала она къ плечу своей вѣрной подруги, а когда успокоилась и заговорила, то голосъ ея звучалъ уже замѣтно тверже.

— Нѣтъ,—сказала она,—отчаяваться не слѣдуетъ: схоронивъ дочь, я еще не все потеряла. У меня остался сынъ: я для него должна жить...

— Будьте такъ добры, сударыня, скажите, гдѣ мы?—раздался вдругъ около нихъ бойкій дѣтскій голосъ.

Королева вздрогнула, обернулась и увидѣла передъ собой, въ полусвѣтѣ сумерекъ, хорошенькаго семилѣтняго мальчика. Въ нѣсколькихъ шагахъ за нимъ шли мужчина и дѣвочка.

— Гдѣ мы?—повторила королева, улыбаясь сквозь слезы:—въ паркѣ замка Шоази-ле-роа!

— Это-то я и безъ васъ знаю!—отвѣчалъ шустрый мальчикъ.—Но мы заблудились и не знаемъ, какъ выбраться отсюда.

— Ступайте все прямо,—сказала королева, указавъ рукой впередъ, по направленію аллеи:—минутъ черезъ десять выйдете на большую дорогу. Да ты-то кто, мальчикъ-съ-пальчикъ?

— Я—Вольфгангъ Моцартъ!—гордо отвѣтилъ ребенокъ.—Мы съ сестрой Наннерль нарочно пріѣхали сюда изъ Зальцбурга, чтобы играть передъ королемъ и королевой.

— Моцартъ... Моцартъ,—проговорила про себя королева, точно что-то припоминая.—Фамилію эту я какъ-будто слышала. Да на чемъ ты, милый, играть будешь?

— На чемъ угодно: на фортепьяно, на скрипкѣ, на органѣ.

— И на органѣ!—подхватила, соображая что-то, королева.—Ужъ не ты ли сейчасъ игралъ въ часовнѣ?

— А то кто-же? Конечно, я.

Королева наклонилась къ крошкѣ-органисту и крѣпко обняла его.

— Благодарю тебя, милый ты мой, благодарю тысячу разъ!

— Да это что̀! Вотъ послушали-бы вы, какъ я стану играть на фортепіано передъ королемъ и королевой въ Версали.

— Послушаемъ,—сказала королева.

— Такъ вы, вѣрно, тоже изъ придворныхъ?

— Изъ придворныхъ,—усмѣхнулась она.

— Въ такомъ случаѣ, поклонитесь отъ насъ королевѣ. Графиня Лиллибонь говорила, что она добрая-предобрая.

— Что-же сказать ей?

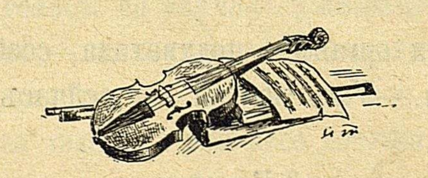
— Скажите только, что Моцарты Вольфгангъ и Наннерль—въ Парижѣ, и что на-дняхъ они побываютъ у ней. Не забудете?

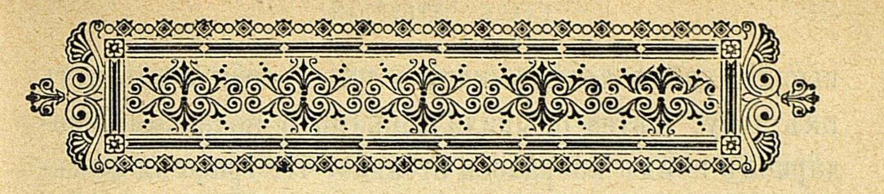
— Нѣтъ, не забуду.

— Ну, такъ до свиданья.

И мальчуганъ побѣжалъ догонять отца и сестру.

— Вотъ совсѣмъ новая манера представляться при версальскомъ дворѣ!—замѣтила развеселившаяся королева.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

При версальскомъ дворѣ.

Семья Моцартовъ прибыла въ Парижъ и остановилась во дворцѣ баварскаго посланника, графа фонъ-Эйка. Молва о знаменитыхъ дѣтяхъ-концертистахъ быстро облетѣла столицу Франціи. Восторгаясь всякою новинкой и шумихой, преклоняясь передъ всѣмъ изящнымъ и прекраснымъ, живые, пылкіе парижане были наэлектризованы вѣстью о прибытіи къ нимъ семилѣтняго чудодѣя-виртуоза и его, не менѣе искусной, одиннадцатилѣтней сестры. Послѣ перваго-же публичнаго концерта, передъ ними открылись настежь двери самыхъ великосвѣтскихъ салоновъ. Весь

высшій свѣтъ хотѣлъ видѣть ихъ у себя и слышать ихъ игру. Дѣтей осыпали ласками и подарками; подарковъ этихъ набралось столько, что графиня фонъ-Эйкъ должна была отвести для нихъ особую комнату. Въ одно прекрасное утро, въ гостиную Моцартовъ явился французъ, который отрекомендовался, какъ одинъ изъ любимѣйшихъ поэтовъ Франціи, и, разсыпаясь въ комплиментахъ, преподнесъ маленькому Вольфгангу слѣдующее стихотвореніе:

«Mortels chéris des dieux et des rois,
Que l'harmonie a de puissance!
Quand les sons modulés soupirent sous vos doigts,
Que de finesse et de science!
Pour vous louer, on n'a que le silence.
Avec quel sentiment le bois vibre et frémit!
Un corps muet devient sonore et sensible.
A vous, mortels heureux, est-il rien d'impossible!
Tout jusqu'au tacte en vous a de l'esprit» *).

Сказалъ-ли Моцартамъ свое имя «любимѣйшій» стихотворецъ Франціи — неизвѣстно, но только едва ли онъ принадлежалъ къ числу заурядныхъ кропателей поздравительныхъ стишковъ (poëtes de circonstance), такъ какъ за преподнесенное стихотвореніе не потребовалъ никакого денежнаго вознагражденія.

---

*) «Вы, баловни царей, избранники боговъ,
Своей гармоніей могучи.
Какъ сладостно звучатъ у васъ изъ-подъ перстовъ
Струи затѣйливыхъ созвучій!
Хвалить васъ можно, лишь внимая вамъ безъ словъ.
Въ бездушномъ деревѣ какое трепетанье!
Одушевляется безжизненный предметъ.
Неисполнимаго для васъ, счастливцевъ, нѣтъ!
Есть смыслъ у васъ во всемъ — и въ самомъ осязаньи».

Наконецъ, было получено разрѣшеніе полиціи на устройство публичнаго концерта въ театрѣ Феликса, въ улицѣ Сентъ-Оноре́. Вдругъ, наканунѣ, пришло извѣстіе изъ Версаля, что, несмотря на придворный трауръ, королева желаетъ послушать игру Вольфганга и Наннерль во дворцѣ, на собственной половинѣ.

— Ура!—закричалъ Вольфгангъ и запрыгалъ по комнатѣ.—Та дама въ Шоази-ле-роа сдержала-таки свое слово, сказала о насъ королевѣ.

Въ назначенный день, въ версальскомъ дворцѣ, половина королевы, состоявшая изъ длиннаго ряда громадныхъ залъ, была залита огнемъ; тысячи зажженныхъ свѣчей горѣли въ хрустальныхъ люстрахъ и позолоченныхъ жирандоляхъ. Посреди главной залы, куда стеклась вся придворная знать, удостоившаяся приглашенія на королевскій музыкальный вечеръ, стояло великолѣпное, съ дорогою инкрустаціею, фортепьяно.

По прибытіи короля, королева подала гофмаршалу знакъ,—и изъ сосѣдней комнаты вышелъ старикъ Моцартъ, ведя за руку обоихъ дѣтей. Увидавъ королеву, Вольфгангъ съ радостнымъ крикомъ побѣжалъ къ ней черезъ всю залу, наперекоръ всѣмъ правиламъ этикета и къ великому смущенію придворныхъ. Но королева протянула мальчику обѣ руки и сказала:

— Здравствуй, дружокъ. Какъ видишь, я доложила о тебѣ королевѣ.

— Ахъ, я вамъ такъ за это благодаренъ!—отвѣчалъ Вольфгангъ.—Да гдѣ-же королева?

— Гдѣ?—улыбнулась она, ласково гладя его по волосамъ.—Угадай-ка!

Быстрые глаза Вольфганга оглянули все собраніе и остановились на кроткомъ, добромъ лицѣ говорившей съ нимъ дамы. Онъ вдругъ смекнулъ, въ чемъ дѣло.

— Да вы сами и есть королева!—вскричалъ онъ.—О, теперь я васъ люблю еще больше!

— А вотъ это его величество король,—сказала королева, подводя мальчика къ Людовику XV.

Семилѣтній Вольфгангъ такъ ловко расшаркался передъ королемъ, что тотъ улыбнулся и спросилъ у своей супруги, гдѣ это она успѣла познакомиться съ такимъ шустрымъ мальчуганомъ.

— Ну, что-жъ,—сказалъ король:—послушаемъ нашихъ маленькихъ артистовъ.

Слова эти равнялись приказанію. Братъ и сестра сѣли за фортепьяно и начали концертъ блестящею и трудною пьесой въ четыре руки.

Между тѣмъ, по угламъ залы разставили ломберные столы. Король, королева, принцессы, а за ними и всѣ присутствующіе усѣлись за карты.

Исполненіе дѣтей было мастерское. Королева, время отъ времени, поощрительно кивала имъ издали головой. Но хорошая музыка была въ высшихъ слояхъ парижскаго общества не въ диковинку. Людовикъ XV, занятый картами, не думалъ уже о

маленькихъ виртуозахъ; придворные такъ-же слушали ихъ разсѣянно, и, когда смолкли финальные звуки, никто какъ-будто и не замѣтилъ окончанія пьесы.

Слезы навернулись на глазахъ у бѣдной Нанерль, а Вольфгангъ, задѣтый за живое такимъ пренебреженіемъ публики, съ силою захлопнулъ нотную тетрадь и громко сказалъ отцу:

— Уйдемъ, папа! Они тутъ ровно ничего не понимаютъ въ музыкѣ.

Немалаго труда стоило отцу успокоить оскорбленное артистическое чувство маленькаго маэстро.

— Если ты непремѣнно этого хочешь, Вольфгангерль, то, такъ и быть, уйдемъ, — сказалъ онъ тихо, когда всѣ попытки его урезонить разобиженнаго мальчика оказались безуспѣшными. — Но подумалъ-ли ты, что̀ скажетъ свѣтъ, когда узнаетъ, что въ Версали Моцарты, о которыхъ столько прокричали, съ первой пьесы провалились? На твоемъ мѣстѣ, напротивъ, я постарался-бы сыграть еще лучше, чтобы заставить короля и весь дворъ оцѣнить твое искусство.

Глаза Вольфганга разгорѣлись, лицо вспыхнуло; онъ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Геніальный мальчикъ-музыкантъ ощущалъ то-же самое, что̀ ощущаетъ полководецъ, который, проигравъ небольшое сраженіе, собирается смыть позоръ блестящею побѣдой.

— Правда, папочка! — сказалъ онъ, и прямо на-

правился къ королю. Почтительно поклонясь ему, онъ проговорилъ:—Не угодно-ли вашему величеству задать мнѣ тему для фантазіи?

Король, погруженный въ карточныя соображенія, съ недоумѣніемъ взглянулъ на Вольфганга, о существованіи котораго онъ рѣшительно забылъ. Тотъ долженъ былъ повторить вопросъ. Королю понравилась бойкость ребенка, и онъ задалъ ему тему изъ модной въ то время оперы Люлли. Вольфгангъ опять учтиво и пресерьезно поклонился и вернулся къ инструменту.

Теперь Людовикъ XV уже заинтересовался маленькимъ упрямцемъ, и хотя продолжалъ свою игру, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, внимательно слушалъ и артиста. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ король бросилъ на столъ карты, и, точно озадаченный чѣмъ-то, приподнялся съ мѣста. Всѣ придворные, конечно, также встали. Маленькій Вольфгангъ замѣтилъ, что общее вниманіе обращено теперь на него одного; отъ волненія его бросило въ жаръ; сердце сильнѣе забилось; пальцы такъ и летали по клавишамъ...

Неужто этотъ семилѣтній ребенокъ извлекаетъ изъ инструмента такіе дивные звуки? Неужто онъ, фантазируя на заданную тему, создаетъ эти новыя, неслыханныя до сихъ поръ мелодіи?

Король проводитъ рукой по лбу и глазамъ, какъбы желая убѣдиться, что это не сонъ. У королевы навернулись слезы, всѣ окружающіе были сильно взволнованы. Подъ обаяніемъ волшебныхъ звуковъ,

— Не угодно ли вашему величеству задать мнѣ тему для фантазіи?

лившихся изъ-подъ пальцевъ геніальнаго ребенка, смолкли дурныя чувства, и люди, слушавшіе его, на нѣсколько мгновеній какъ-будто переродились, сдѣлались лучше.

Вольфгангъ кончилъ. Громкое «браво!» короля послужило сигналомъ для рѣдкихъ при версальскомъ дворѣ шумныхъ рукоплесканій. Принцесса Викторія, младшая дочь короля, подбѣжала къ малюткѣ-артисту и начала осыпать его поцѣлуями.

— Теперь покажи-ка имъ свой фокусъ,—шепнулъ сыну съ улыбкой старикъ Моцартъ, и, потребовавъ салфетку, накрылъ ею клавиши.

Несмотря на то, что салфетка покрывала всю клавіатуру, Вольфгангъ съ прежней быстротой и отчетливостью сыгралъ всю концертную пьесу. «Фокусъ» такъ поразилъ, такъ увлекъ всѣхъ слушателей, что мальчикъ долженъ былъ повторить его нѣсколько разъ. Но это не только не польстило артисту, а показалось ему даже обиднымъ.

— Ничего, ровно ничего они не смыслятъ въ музыкѣ!—сказалъ онъ съ досадой по-нѣмецки отцу.

— Ну, кое-что и смыслимъ,—замѣтилъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ стоявшій за стуломъ Вольфганга Ле Гранъ, учитель музыки принцессъ.

— Такъ задайте мнѣ задачу!—вскричалъ ребенокъ.

Тотъ пожалъ плечами,—и на листѣ нотной бумаги написалъ, для одной правой руки, недавно имъ самимъ сочиненный и никому еще неизвѣстный менуэтъ.

*

— Извольте подобрать къ этому басъ,—сказалъ онъ.

Вольфгангъ взялъ перо и безъ всякаго затрудненія, не глядя даже на фортепьяно, съ одного почерка написалъ басъ ко всему менуэту.

Ле-Гранъ видимо смутился, такъ какъ былъ убѣжденъ, что никто не въ состояніи сдѣлать этого.

Затѣмъ подошла принцесса Аделаида, славившаяся своимъ прекраснымъ голосомъ, и сказала:

— Если ты ужъ такой искусникъ, то попробуй разрѣшить еще одну задачу.

— Говорите,—смѣло вызвался Вольфгангъ.

— Возьмешься-ли ты, по слуху и не глядя на меня, акомпанировать мнѣ, когда я буду пѣть итальянскую каватину, которую ты еще не слыхалъ?

— Это невозможно!—воскликнулъ Ле-Гранъ.

— Попробую,—отвѣтилъ мальчикъ и занялъ опять свое мѣсто за фортепьяно.

Принцесса запѣла. Пѣла она, дѣйствительно, прекрасно. Вольфгангъ, чутко вслушиваясь, бралъ аккорды, которые, хотя и не всегда, но большею частью, довольно вѣрно отвѣчали пѣнію. Когда каватина кончилась, Моцартъ попросилъ принцессу повторить, и на этотъ разъ не только совершенно правильно акомпанировалъ пѣнію правой рукой, но прибавилъ даже полный басъ лѣвою. Принцесса еще разъ десять пропѣла каватину, и каждый разъ онъ совершенно измѣнялъ характеръ акомпанимента.

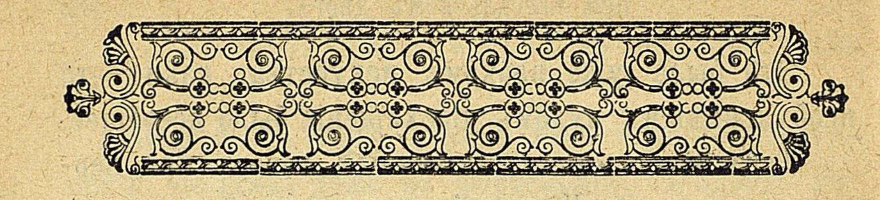
Это было уже верхомъ искусства, какимъ-то необъяснимымъ чудомъ. Восхищеніе было всеобщее.

Такъ кончился музыкальный вечеръ при версальскомъ дворѣ. Молва объ этомъ вечерѣ не замедлила на другой же день облетѣть весь Парижъ; нечего и говорить, какъ великъ былъ наплывъ публики на слѣдовавшихъ затѣмъ публичныхъ концертахъ маленькихъ Моцартовъ.

Упоенный, вдохновленный громаднымъ своимъ успѣхомъ, Вольфгангъ здѣсь-же, въ Парижѣ, написалъ и издалъ въ свѣтъ свои первыя музыкальныя творенія, а именно четыре фортепьянныя сонаты, съ акомпаниментомъ скрипки.

Само собою разумѣется, что эти дѣтскіе опыты значительно уступали позднѣйшимъ, зрѣлымъ произведеніямъ геніальнаго маэстро; но уже одно то, что они принадлежали семилѣтнему ребенку, заставляло наперерывъ покупать ихъ, восторгаться ими. Крошка Вольфгангъ, шутя, достигъ такой славы, какая съ трудомъ дается даже крупнымъ талантамъ, въ зрѣломъ возрастѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Il cavaliere filarmonico.

Прошло семь лѣтъ. Молодой Моцартъ объѣздилъ уже полъ-Европы; посѣтилъ еще разъ Вѣну и Парижъ, побывалъ въ Баваріи, Голландіи и Лондонѣ. Вездѣ его встрѣчалъ тотъ-же успѣхъ. Но онъ понималъ, что остановиться неподвижно на одной точкѣ, не развивая въ себѣ Божьяго дара, значитъ—похоронить его и, современемъ, изгладиться навсегда изъ памяти людей. И вотъ, ежегодно, онъ самымъ тщательнымъ образомъ изучалъ творенія первоклассныхъ композиторовъ: Страделлы, Скарлатти, Дюранта, Баха и Генделя, да, кромѣ того, самъ написалъ небольшую оперу: «*La finta simplice*».

На тринадцатомъ году онъ былъ возведенъ княземъ-архіепископомъ Зальцбургскимъ въ званіе великокняжескаго концертмейстера, а въ это самое время отца его сдѣлали великокняжескимъ капельмейстеромъ.

Когда Вольфгангу Моцарту минуло четырнадцать лѣтъ, онъ получилъ лестное предложеніе написать оперу для миланскаго театра. Давно-давно его тянуло въ Италію—отчизну оперной музыки; а тутъ сами итальянцы зовутъ его къ себѣ!

Сборы были недолги. Отецъ попрежнему сопровождалъ его. Но путь ихъ лежалъ не прямо на Миланъ. Вольфгангу хотѣлось прежде окончательно упрочить свою извѣстность, сдѣлаться почетнымъ членомъ высшей, въ то время, музыкальной академіи въ мірѣ—Филармоническаго Общества въ Болоньѣ, и получить званіе *cavaliere filarmonico*.

Весь путь *Амадеуса* *) (какъ перекрестили молодого Моцарта итальянцы по второму имени его *Готлибъ*) отъ города къ городу, до самой Болоньи, былъ чѣмъ-то вродѣ непрерывнаго побѣдоноснаго шествія. Музыканты по природѣ, итальянцы принимали его всюду съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ.

Вотъ онъ въ Болоньѣ; наступилъ знаменательный день, отъ котораго зависѣла вся его будущность.

Все образованное музыкальное общество Болоньи пришло въ движеніе. И пѣшеходы, и экипажи стре-

---

*) Боголюбъ.

мились къ одной цѣли—къ грандіозному, великолѣпному зданію, въ обширныхъ покояхъ котораго засѣдали члены *Academiae Filarmonicae*. Правда, одни только музыкальные судьи допускались на самый актъ испытанія, но результатъ его объявлялся затѣмъ всенародно.

Въ четыре часа пополудни, Вольфгангъ-Амадеусъ Моцартъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, вошелъ въ главный академическій залъ. Всѣ бывшіе въ то время въ Болоньѣ члены филармоническаго общества находились уже тамъ на лицо. Эти маститые знатоки музыки возсѣдали на креслахъ, широкимъ полукругомъ; во главѣ ихъ помѣстился предсѣдатель, *Princeps Academiae*, съ цензорами—старыми, знаменитыми капельмейстерами. Можно себѣ представить, въ какомъ возбужденномъ настроеніи были эти господа, ожидая дерзновеннаго отрока-маэстро. Правда, слава о немъ донеслась и до нихъ; тѣмъ не менѣе, много между ними было такихъ, которые пророчили Вольфгангу полную неудачу, а иные, быть можетъ, втайнѣ только этого и желали.

На отца-Моцарта на этотъ разъ страхъ напалъ. Чуть-ли не впервые онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ въ сынѣ; при входѣ въ залъ, онъ чувствовалъ, какъ колѣни его подгибаются. Но одного взгляда на спокойное, сіяющее юною отвагой лицо Вольфганга было достаточно, чтобы возвратить ему обычную бодрость духа. Послѣ церемоніальныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, отца разлучили съ сыномъ и

увели въ академическую библіотеку, гдѣ онъ долженъ былъ ждать рѣшенія вопроса.

Тогда председатель съ цензорами приподнялись съ мѣстъ, и первый изъ нихъ торжественно передалъ Амадеусу *антифонъ* (церковный стихъ, который попеременно поется обоими клиросами), для переложенія его на четыре голоса. Срока давалось ему на это всего три часа. Съ почтительнымъ поклономъ принявъ нотный листъ, Амадеусъ быстрыми шагами послѣдовалъ за сторожемъ, который провелъ его въ рабочій кабинетъ и съ шумомъ заперъ за нимъ дверь.

Переложеніе такого антифона на четыре голоса— одна изъ самыхъ сложныхъ музыкальныхъ задачъ и доступна только первоклассснымъ контрапунктистамъ. Не мало музыкальныхъ знаменитостей, просидѣвъ три часа на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ теперь Амадеусъ, не могли справиться съ замысловатой темой въ назначенный срокъ.

Каково-же было изумленіе судей, когда, по прошествіи не болѣе получаса, къ нимъ вернулся сторожъ съ извѣстіемъ, что юный маэстро стучится въ дверь кабинета, стало быть, исполнилъ уже свою задачу! Весь синклитъ ученыхъ цѣнителей пришелъ въ неописанное смущеніе. Слишкомъ сто лѣтъ существовала академія, но подобнаго случая еще не бывало. И вдругъ, какой-нибудь четырнадцатилѣтній мальчишка!.. Да что онъ такое, въ самомъ дѣлѣ: волшебникъ или ловкій обманщикъ?

Переглядываясь, перешептываясь, Princeps Academiae съ цензорами встали съ своихъ креселъ и направились къ рабочему кабинету. Тутъ сторожъ принялъ изъ рукъ предсѣдателя ключъ и отперъ дверь. На порогѣ, съ счастливой улыбкой на лицѣ, стоялъ юный маэстро съ нотною рукописью въ рукахъ.

Но, по заведенному порядку, испытуемаго должно было вторично запереть на ключъ, пока каждый изъ судей не обсудитъ и не оцѣнитъ, какъ слѣдуетъ, исполненную имъ работу. Прошелъ цѣлый часъ томительнаго ожиданія.

Наконецъ судьи составили себѣ опредѣленное понятіе о предложенномъ имъ вопросѣ; тогда предсѣдатель пригласилъ ихъ къ подачѣ голосовъ. Роздали шары; въ глубокомъ молчаніи, каждый изъ присутствующихъ опускаетъ въ ящикъ или черный, или бѣлый шаръ, судя по своему убѣжденію. Всѣ шары опущены; предсѣдатель высыпалъ ихъ изъ ящика на зеленое сукно стола. Наступила рѣшительная минута...

— Одни бѣлые!—возгласилъ предсѣдатель, и голосъ его невольно дрогнулъ.—Кандидатъ выбранъ единогласно.

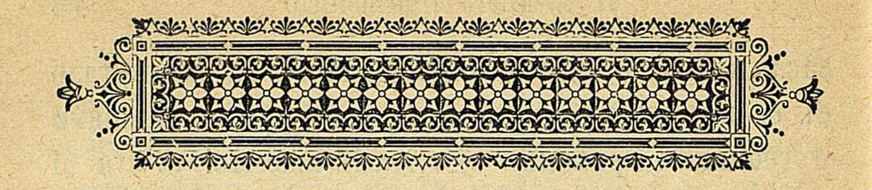
Раздался торжественный гимнъ, входныя двери широко распахнулись. Напиравшая на нихъ толпа шумнымъ потокомъ ворвалась въ залъ. Когда, съ противоположной стороны, появился вновь избранный четырнадцатилѣтній академикъ,—все собраніе

заслуженныхъ, старыхъ академиковъ разомъ встало съ своихъ мѣстъ, привѣтствуя его рукоплесканіями и громкими криками: «Evviva il maestro! evviva il cavaliero filarmonico» *)!

*) Да здравствуетъ маэстро! да здравствуетъ кавалеръ филармонической академіи!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Враги и предатели.

Моцарты были уже въ Миланѣ. Наступилъ вечеръ, и большая кофейня на *Corso orientale* постепенно наполнялась публикой. Одни изъ посѣтителей были заняты чтеніемъ газетъ и журналовъ, другіе пили кофе или шоколадъ; большинство же курило и болтало, предаваясь любимому своему dolce far niente, «сладостной праздности».

Въ числѣ послѣднихъ былъ мужчина, невольно обращавшій на себя вниманіе своей наружностью. Рослый и статный, онъ былъ одѣтъ щегольски, по послѣдней модѣ. Въ чертахъ его лица также было что-то необыкновенное, хотя отнюдь не привлекательное; недовольство всѣмъ окружающимъ свѣтилось въ этихъ недобрыхъ, пронзительныхъ гла-

захъ, тогда какъ осанка и всѣ движенія его обличали непомѣрную самонадѣянность.

Положивъ ногу на ногу, съ сигарою въ зубахъ, онъ сидѣлъ въ уголку билліардной, повидимому, наблюдая за игрой. Но если онъ глазами и слѣдилъ за играющими, то мыслями былъ далеко отъ нихъ. Время отъ времени злая усмѣшка скользила по его узкимъ губамъ, а въ бѣгающихъ глазахъ вспыхивалъ какой-то зловѣщій огонь.

Такимъ образомъ просидѣлъ онъ неподвижно около получаса, когда къ нему подошелъ съ заискивающею фамильярностью маленькій, вертлявый человѣчекъ.

По наружному виду, этотъ представлялъ совершенную противоположность съ первымъ. Сюртукъ на немъ былъ сильно потертъ и весь въ пятнахъ, бѣлье грязно, галстукъ небрежно повязанъ; курчавые, черные, какъ смоль, съ просѣдью волосы растрепаны, подбородокъ дурно выбритъ, крючковатый носъ и лукавые глазки подходили ко всему остальному; а когда онъ заговорилъ съ погруженнымъ въ размышленіе пріятелемъ, то осиплымъ голосомъ своимъ напомнилъ каркающаго ворона.

— Ба! ба! ба!—воскликнулъ онъ, подобострастно отвѣшивая поклонъ за поклономъ.—О чемъ это такъ замечтались, синьоръ Фіорони?

Тотъ поднялъ на него глаза, словно очнувшись отъ забытья. Проведя рукой по лицу, онъ съ изу-

мленіемъ оглядѣлъ сперва говорящаго, потомъ всю комнату, наконецъ, произнесъ:

— А! это вы, Гримани!

— Точно, право, и не узнали!

— Да, я такъ былъ занятъ своими мыслями...

— Смѣю надѣяться—не грустными?

— И не веселыми. Не такое ныньче время.

— Отъ васъ-ли я это слышу, синьоръ Фіорони!—вскричалъ Гримани, разводя руками.—Вы, котораго цѣнитъ не одинъ Миланъ, но и вся Италія; вы—первый капельмейстеръ театра Ducale; вы—наша честь и слава...

— Гримани!—прервалъ его Фіорони, и при этомъ брови его нахмурились, а губы сложились въ горькую усмѣшку:—какая тутъ честь и слава числиться первымъ капельмейстеромъ, хотя-бы въ театрѣ герцога, когда публика даетъ водить себя за носъ какимъ-то молокососомъ, мѣсто которому на школьной скамьѣ.

— Понимаю, понимаю!—прокаркалъ Гримани, подсаживаясь къ первому капельмейстеру, и приказалъ лакею подать себѣ чашку шоколаду.—Понимаю! Вы говорите о маленькомъ Моцартѣ?

— Ну, не глупо ли, право!—продолжалъ горячиться Фіорони;—не позоръ-ли для искусства—поручить ребенку сочиненіе оперы, и для какого-же театра?—для миланскаго!

Гримани пожалъ плечами, какъ-бы выражая сомнѣніе въ слышанномъ. Еслибы, однако, капельмей-

стеръ подмѣтилъ злорадное выраженіе его глазъ, то понялъ-бы, что тому нужно было только разжечь въ немъ ненависть къ ихъ общему врагу. И точно, Фіорони вспылилъ, напустился на пріятеля:

— Да вы сами-то, Гримани, поклонникъ Моцарта, что-ли?

— Ребенокъ-то онъ ребенокъ, положимъ, хоть четырнадцатилѣтній, — уклончиво отозвался Гримани;—но что ни говорите, а все-таки онъ членъ филармоническаго общества въ Болоньѣ, онъ виртуозъ, композиторъ, импровизаторъ, контрапунктистъ...

— И фокусникъ!—подхватилъ Фіорони.

— И фокусникъ,—это такъ. Но фокусъ фокусу рознь. Для такихъ штукъ, какія выдѣлываетъ этотъ волшебникъ, нужно имѣть недюжинныя способности. Если въ Болоньѣ ему удалось въ полчаса разрѣшить такую сложную задачу...

— Въ полчаса!—перебилъ Фіорони.—А кто поручится, что онъ не зналъ напередъ заданной темы?

— Конечно, все возможно. Но то, что онъ продѣлалъ потомъ въ Римѣ,—какъ хотите, этого не сдѣлать ни вамъ, ни мнѣ.

— О чемъ это вы говорите?

— Будто ужъ и не слыхали?—и Гримани повторилъ разсказъ объ одномъ происшествіи, дѣйствительно случившемся незадолго передъ тѣмъ съ Моцартомъ въ Римѣ. Верхомъ совершенства церковной музыки считалось въ то время «*Miserere*» знамени-

таго Аллегри. Составляя неприкосновенную собственность римскаго папы, пьеса эта исполнялась исключительно въ Сикстинской капеллѣ, въ Римѣ, и то не болѣе одного раза въ годъ, именно въ Страстную пятницу. Подъ страхомъ отлученія отъ церкви, музыканты и пѣвчіе его святѣйшества не смѣли ни списывать для себя, ни уносить съ собою на домъ драгоцѣнной партитуры. Такимъ образомъ, кромѣ Рима, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ пьеса эта не исполнялась и не была извѣстна. Понятно, что Моцартъ, будучи въ Италіи, завернулъ нарочно въ Римъ на Страстной недѣлѣ, чтобы послушать прославленное *Miserere*. Вліяніе пьесы на впечатлительнаго, геніальнаго отрока было потрясающее. Давно смолкли дивные звуки, а онъ не шевелился, не видѣлъ и не слышалъ ничего около себя. Народъ началъ расходиться, огни кругомъ погасли, а онъ стоялъ попрежнему, какъ вкопанный. Отецъ съ безпокойствомъ наклонился къ нему, взялъ за руку и шепнулъ: «Вольфгангъ, пора домой!» Тутъ только артистъ вздрогнулъ и пришелъ въ себя. Оглянувшись въ недоумѣніи по сторонамъ, онъ молча кивнулъ отцу головой и пошелъ къ выходу. Ни слова не проронилъ онъ до самаго дома и тотчасъ же бросился на постель. Но лишь только отецъ заснулъ, какъ Вольфгангъ тихо всталъ съ постели, зажегъ лампу, взялъ нотную бумагу и принялся писать. Проснувшись поутру, старикъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что сынъ сидитъ за столомъ передъ горящей лампой. Но уста-

лость его одолѣла: не выпуская пера изъ руки, онъ припалъ кудрявой головой къ столу и спалъ крѣпкимъ сномъ. Отецъ взялъ со стола исписанные нотные листы—и что-же тамъ увидѣлъ? Полную партитуру *Miserere* Аллегри! Четырнадцатилѣтній Вольфгангъ-Амадеусъ Моцартъ совершилъ нѣчто невѣроятное, непостижимое: разъ только прослушавъ это, столь ревниво оберегаемое, мастерское произведеніе, онъ безошибочно, на память, написалъ его отъ начала до конца!

Поддразнивать капельмейстера театра Ducale всѣми этими подробностями доставляло коварному разсказчику видимое удовольствіе. Тщетно порывался нѣсколько разъ Фіорони остановить его, даже побагровѣлъ отъ злости.

— Ну, что-жъ изъ того? — вскинулся онъ: — что-жъ изъ того? Написалъ на память—стало быть, память здоровая: вотъ и все!

— Однако, кромѣ памяти, для этого требуется кое-что другое, именно: основательное знаніе музыки.

— Да гдѣ-же ему было пріобрѣсти-то его, это основательное знаніе? Оно дается только годами усидчиваго труда.

— Вѣрно, совершенно вѣрно,—согласился Гримани:—относительно людей съ средними способностями—это аксіома. Но,—прибавилъ онъ съ лукавой усмѣшкой, — недаромъ-же говорятъ, что *геніи* не чета другимъ смертнымъ; что достигать цѣли они могутъ безъ усилій труда; что они берутъ съ боя,

какъ-бы инстинктивно все то, на что намъ съ вами, синьоръ Фіорони, нужны годы, десятки лѣтъ...

Окончательно взбѣшенный, Фіорони вскочилъ съ мѣста. При своей атлетической фигурѣ онъ казался великаномъ въ сравненіи съ приземистымъ, тщедушнымъ Гримани.

— Куда-же вы?—спросилъ послѣдній.

— Прощайте,—буркнулъ ему въ отвѣтъ Фіорони и, уходя, бросилъ лакею слѣдовавшія съ него деньги.

— Да погодите-же! — остановилъ его маленькій пріятель:—вѣдь я только-что хотѣлъ сообщить вамъ свой планъ, какъ намъ поддѣть этого проклятаго выскочку.

— Такъ-бы и говорили!—отозвался Фіорони и опустился опять на свой стулъ.—А я, право, ужъ думалъ, что вы—поклонникъ Моцарта.

Онъ закурилъ новую сигару и вопросительно взглянулъ на собесѣдника.

— Планъ мой, какъ вы увидите, очень не дуренъ,—началъ Гримани, лукаво щурясь:—но онъ будетъ стòить денегъ...

— За этимъ дѣло не станетъ! Я не поскуплюсь, когда нужно отстоять свою честь, честь всей Италіи.

— Такъ изволите-ли видѣть, планъ мой распадается на двѣ части: во-первыхъ, надо имѣть на своей сторонѣ публику.

— Легко сказать!—возразилъ Фіорони.—Добрая половина миланцевъ бредитъ этимъ cavaliere filarmonico.

— Но девять десятыхъ изъ нихъ дѣлаютъ это только ради моды. А между нашею братіею, музыкантами, я отыщу вамъ человѣкъ десять самыхъ рьяныхъ патріотовъ, которые, за небольшое вознагражденіе, охотно распустятъ по городу объ этомъ нѣмчикѣ какіе угодно слухи.

— Вторая часть вашего плана?

— Та, синьоръ Фіорони, требуетъ вашего непосредственнаго содѣйствія.

— Моего?

— Да-съ! Мнѣ удалось достать, — разумѣется, также не даромъ, — полный текстъ новой оперы синьора Амадеуса. Вся задача теперь только въ томъ, чтобы подмѣнить бравурныя аріи примадонны и перваго тенора.

— Подмѣнить-бы недурно, но чѣмъ?

— Объ этомъ ужъ не безпокойтесь,—хрипло захихикалъ Гримани: — я вамъ сочиню такія аріи, что хоть вонъ бѣги! А чтобы не было никакого сомнѣнія относительно достоинства ихъ, у насъ будетъ наготовѣ цѣлая армія шикальщиковъ; такъ ошикаютъ, освищутъ, что опера съ громомъ провалится!

— Отлично! планъ хоть куда! — одобрилъ Фіорони, весело потирая руки. — А, а, синьоръ Амадеусъ! добрый вечеръ! Какъ я радъ васъ видѣть! Вы такъ заняты теперь вашей новой оперой, что, право, какъ красное солнышко, въ кои вѣки на свѣтъ Божій покажетесь.

Слова эти относились уже къ «молокососу»

*

Моцарту, который, въ это самое время, вмѣстѣ съ отцомъ, входилъ въ кофейню. Простодушный Амадеусъ, такъ-же, какъ и старикъ Моцартъ», дружески поздоровались съ капельмейстеромъ театра Ducale.

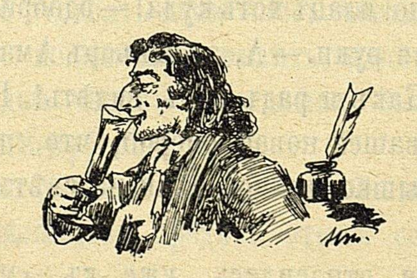
— Честь имѣю представиться: я ревностнѣйшій почитатель вашего таланта!—прокаркалъ Гримани, низко кланяясь Амадеусу.

Амадеусъ такъ-же радушно пожалъ руку и этому новому своему почитателю.

— Да кстати, не распить-ли намъ бутылочку, по случаю перваго знакомства?—продолжалъ Гримани, украдкой подмигивая Фіорони.

— Конечно!—подхватилъ тотъ и крикнулъ проходившему лакею:—четыре бокала да бутылку *Lacrimae Christi!*

За первой бутылкой послѣдовала другая, за другой—третья. Но расходъ этотъ съ лихвою окупился. За виномъ двумъ заговорщикамъ удалось вывѣдать все, что имъ требовалось насчетъ новой оперы. Ничего не подозрѣвавшіе, Моцарты простились съ ними, какъ съ лучшими друзьями.

— Да.

— Такъ идите скорѣе за мной!

— Куда это?

— Къ синьорѣ Бернаскони. Скорѣй, скорѣй!

Покачавъ головой, старикъ послѣдовалъ за камеристкой въ уборную примадонны. Пѣвица собралась уже выходить на сцену.

— Синьоръ Моцартъ, — сказала она ему на ходу: — противъ геніальнаго вашего сына замышлена гнусная интрига. Не упускайте, Бога ради, изъ виду Фіорони...

— Фіорони? — переспросилъ Моцартъ. — Да вѣдь это одинъ изъ лучшихъ друзей нашихъ!

— Онъ — злѣйшій врагъ нашъ. По его знаку, какъ я сейчасъ узнала, начнется общій шумъ и свистъ. Ступайте скорѣе и не отходите отъ него ни на шагъ!

Старикъ, не поблагодаривъ даже пѣвицы, бросился опрометью разыскивать Фіорони.

Въ это время Амадеусъ вооружился уже своимъ магическимъ жезломъ — дирижерскою палочкой. Раздался легкій ударъ по пюпитру, — и весь громадный, переполненный зрителями театръ разомъ стихъ. Началась увертюра.

Оркестръ игралъ съ одушевленіемъ. Увертюра вполнѣ удалась и видимо понравилась: изъ партера, изъ ложъ, съ верховъ послышалось нѣсколько сдержанныхъ «браво!». Но вотъ взвился занавѣсъ... Сердце въ груди Амадеуса забилось сильнѣе: сейчасъ должна появиться Аспазія-Бернаскони.

Она вышла.

Весь театръ такъ и замеръ. На сценѣ стояла живая Аспазія. Природная, строго-классическая красота артистки, живописный древне-греческій костюмъ, величественная осанка,—все вмѣстѣ производило на зрителей впечатлѣніе тѣмъ болѣе неотразимое, что красавица была замѣтно возбуждена. Орлинымъ взглядомъ окинула она театръ, видимо отыскивая враговъ въ партерѣ, въ ложахъ, всюду, и отъ этого взгляда сотни глазъ кругомъ въ смущеніи потуплялись. Враги были мгновенно запуганы, обезоружены. Раздался мелодическій речитативъ; затѣмъ волшебница запѣла свою арію. О! то не было старомодное, пѣтое и перепѣтое воркованье, съ вѣчными трелями и руладами: то была музыка, подслушанная у самой природы, хватающая за душу могучая, высокая, прекрасная...

Затаивъ дыханіе, очарованная толпа жадно ловила восхитительные звуки. Но лишь только пѣвица смолкла,—поднялась буря одобренія, улегшаяся лишь тогда, когда примадонна, вся сіяя счастьемъ отъ одержанной побѣды, повторила дивную арію.

Старикъ Моцартъ, между тѣмъ, разыскавъ Фіорони, стоялъ возлѣ него на-сторожѣ. Неописанная злоба кипѣла въ душѣ завистника; онъ задыхался; до сихъ поръ ни одинъ изъ его сообщниковъ не кашлянулъ, не пикнулъ, не топнулъ, а проклятый старикашка держитъ его подъ-руку такъ дружески и такъ крѣпко, слѣдитъ за нимъ такъ зорко, что ему

нѣтъ никакой возможности подать знакъ даже тѣмъ, кто поставленъ позади кулисъ. Онъ окончательно разбитъ, несмотря на массу брошенныхъ денегъ,— и торжество враговъ его полное...

Еще нѣсколько минутъ онъ простоялъ на мѣстѣ; но когда перваго тенора Санторини, за спѣтую имъ входную арію, наградили восторженными «браво!»,— у Фіорони не хватило больше силъ: онъ вырвался изъ рукъ своего «друга» Моцарта и бросился вонъ изъ театра. Тутъ, у выхода, онъ столкнулся съ главнымъ своимъ сообщникомъ, Гримани, котораго такъ-же нестерпимая досада выгнала на улицу. Какъ пѣтухи, налетѣли они другъ на друга: Гримани укорялъ Фіорони въ томъ, что онъ не подалъ во-время условнаго знака, а тотъ, въ свою очередь, утверждалъ, что Гримани утаилъ данныя ему для подкупа деньги. По счастью, у нихъ не было съ собой кинжаловъ: иначе дѣло не обошлось-бы безъ кровопролитія. Вернувшись домой, Фіорони слегъ въ постель: въ ту-же ночь у него разлилась желчь.

Но что происходитъ въ театрѣ Ducale? Отчего звенятъ стекла, дрожатъ стѣны громаднаго зданія?

Опера кончилась, и упоенная, какъ-бы обезумѣвшая публика бѣснуется, неистово вызываетъ — уже не любимцевъ своихъ Бернаскони и Санторини, а четырнадцатилѣтняго творца оперы, Амадеуса Моцарта. Среди неумолкаемыхъ рукоплесканій, тысячи голосовъ кричатъ наперерывъ:

— Evviva il maestro! evviva il maestrino!

Растроганный Амадеусъ, прижимая руку къ сердцу, раскланивается направо и налѣво. Наконецъ онъ выбрался изъ театра; но и здѣсь, на улицѣ, его встрѣчаютъ тѣ-же крики:

— Evviva il maestro! evviva il maestrino!

... Таковъ былъ исходъ перваго представленія *«Митридата, царя Понтійскаго»*. Когда затѣмъ Моцартъ простился съ Италіей, городъ Миланъ сдѣлалъ ему чрезвычайно почетное предложеніе—написать для слѣдующаго карнавала большую серьезную оперу (opera seria).

. . . .

Лучезарно было утро жизни этого генія звуковъ; не менѣе ярокъ былъ его полдень: *«Донъ-Жуанъ»*, *«Волшебная флейта»*, *«Requiem»* восхищаютъ насъ даже теперь, когда творецъ ихъ (умершій въ расцвѣтѣ силъ — на 36-мъ году жизни) болѣе ста лѣтъ уже лежитъ въ могилѣ.

для библіотекъ кадетскихъ корпусовъ и *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства Императрицы Маріи для чтенія въ трехъ старшихъ классахъ, а также для подарковъ. Допущена *Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ* въ ученическія библіот. духовн. семинарій, мужскихъ духовн. и женск. епархіальныхъ училищъ.

«Юношескіе годы Пушкина». Біографическая повѣсть. Изд. 3-е, съ 6-ю портр. и 3-мя рис. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ изящн. коленкор. переплетѣ 2 р. 50 к.

Рекомендована *Ученымъ Комитетомъ Мин. Народнаго Просвѣщенія* для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, для старшаго возраста; *Главнымъ Управленіемъ* военно-учебныхъ заведеній для библіотекъ кадетскихъ корпусовъ. *Одобрена Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства Императрицы Маріи для ученическихъ библіотекъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Допущена *Учебн. Комитетомъ при Св. Синодѣ* въ ученическ. библіот. духовн семинарій, мужск. духовн. и женскихъ епархіальн. училищъ, равно и женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства.

«Гоголь-гимназистъ». Первая повѣсть изъ біографическ. трилогіи **«Ученическіе годы Гоголя».** Съ портр. и видами. Изд. 6-е. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. пер. съ зол. 2 р.

Въ первомъ изданіи *Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія одобрена* для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и низшихъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, а *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства Императрицы Маріи рекомендована для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возраста сред. учебн. завед. и для наградъ воспитанницамъ.

«Гоголь-студентъ». Вторая повѣсть изъ біографическ. трилогіи **«Ученическіе годы Гоголя».** Съ 12 портр. и видами Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящн. коленкор. переплетѣ съ золот. 2 р. 25 к.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія одобрена для ученическихъ библ. сред. и низш. учебн. заведеній и допущена въ безплатн. народныя библіотеки и читальни. *Учебнымъ Комитетомъ* вѣдомства Императрицы Маріи рекомендована для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возраста средн. учебн. заведеній и для наградъ воспитанницамъ.

«Школа жизни великаго юмориста». Третья повѣсть изъ біографической трилогіи **«Ученическіе годы Гоголя».** Съ портретами и видами. Цѣна 1 руб. 75 коп., въ папкѣ 2 руб., въ изящн. коленкор. переплетѣ съ зол. 2 руб. 50 к.

Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи рекомендована для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, *Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв.* одобрена для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ и учеб. заведеній и допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

«За тридцать лѣтъ». Образцы новой русской поэзіи. Выбрано для юношества. Ц. 1 р. 25 к., въ изящн. коленк. пер. 2 р.

Рекомендованы *Учебн. Ком.* вѣдом. учрежд. Импер. Маріи для учен. библ *всѣхъ* возрастовъ средн. учебн. зав. и для подарковъ. Допущены *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* въ учител. библ. низш. учил. и въ безпл. народн. читал. и библіотеки

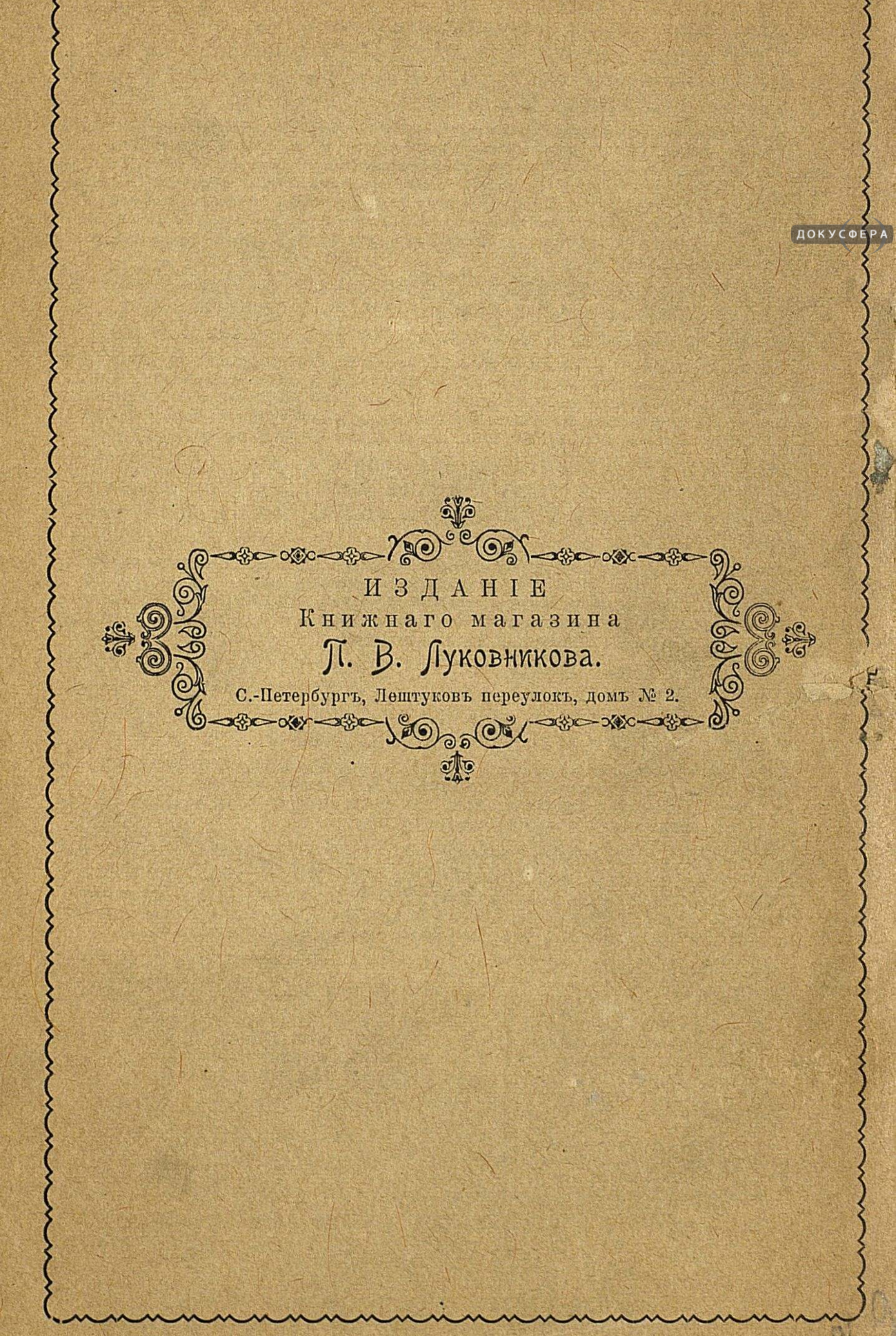
«Передъ разсвѣтомъ». Повѣсть изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящн. коленк. перепл. 2 р. 25 к.

Одобрена *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* для учен. младш. и средн. возр. средн. учебн. завед. и рекомендована *Учебн. Ком.* вѣдом. учрежд. Импер. Маріи для учен. библ. средн. и старш. возраст. средн. учебн. завед. и для подарковъ.

Новыя книги В. П. Авенаріуса:

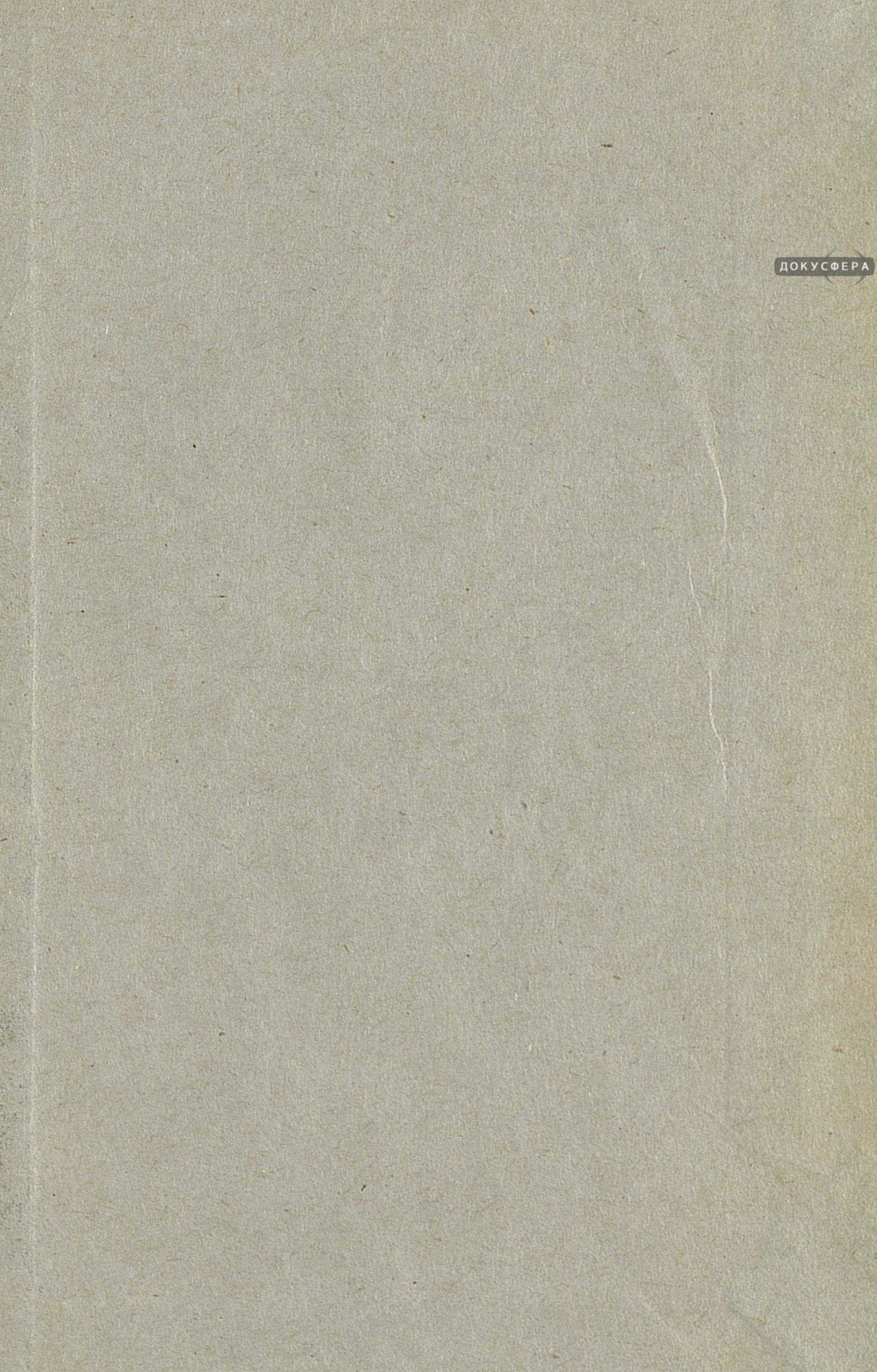
Три вѣнца. Первая повѣсть изъ исторической трилогіи „За царевича" (перераб. для юнош. изъ романа того-же назван.). Съ 12-ю рисунками. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящн. коленк. перепл. 2 р. 25 к.

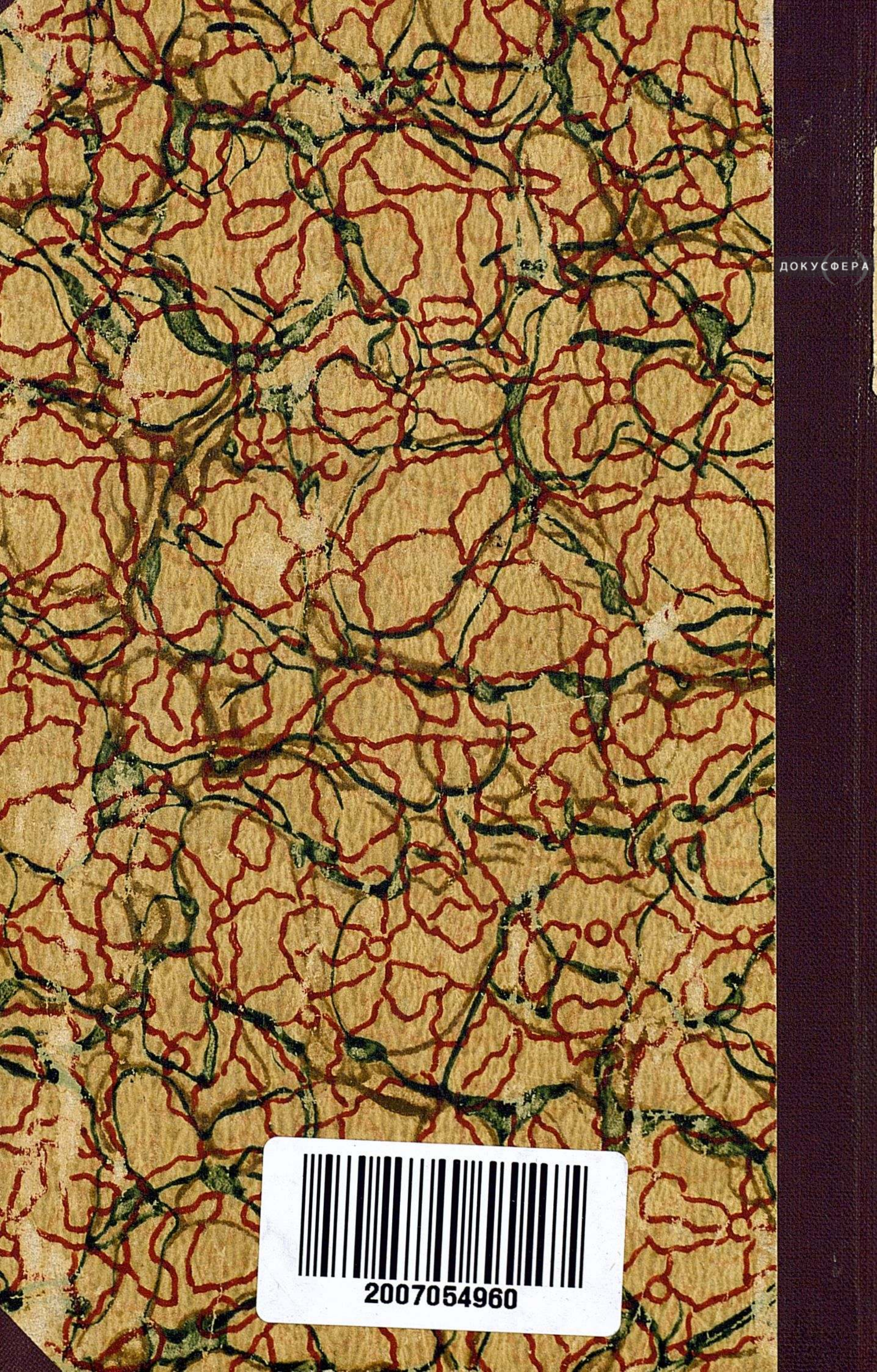
Сынъ атамана. Вторая повѣсть изъ историч. трилогіи „За царевича". Съ 8-ю рисунк. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ

ИЗДАНІЕ
Книжнаго магазина
П. В. Луковникова.
С.-Петербургъ, Лештуковъ переулокъ, домъ № 2.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

ДОКУСФЕРА
2007054960